

стойбищами внутри ареала охотничьих угодий. В условиях кардинальных изменений в организации промысла и поселковой жизни семей в рассматриваемый период сохранялась память об обряде, последовательности действий и сопровождающих их наговоров. Легко воспроизводившаяся мужчинами и женщинами скульптура функционировала уже как забавная поделка или игрушка мальчиков.

Немногочисленные полевые сведения о духе-связнике могут оказаться в числе последних фактов ныне уже утраченной традиции. Во всяком случае, попытка получить какую-то новую информацию сегодня не удалась. О солдохе ничего не знали не только недавние студентки-кетки, но и их родители. Одна из жительниц Келлога (единственного крупного национального поселка на р. Елогуй), владеющая родным языком, посчитала, что слово солдох обозначает «что-то драгоценное». Может быть, таким образом она выразила свою общую оценку родной для нее, утраченной ныне традиции.

Остроголовое изображение духа-связника солдохса у кетов можно рассматривать как разновидность, малую форму их специфичной упрощенной культовой скульптуры, отличающуюся от других ее форм, например круглоголовых антропоморфных семейных охранителей (аллелов). Аналоги остроголовым кетским изображениям обнаруживаются в скульптуре народов обско-угорского круга. С.В. Иванов выделяет эти столбообразные безрукие и безногие фигуры с остроконечной головой и лицом, образованным срезами с зарубками, в особый северо-сибирский тип (см. МАЭ № 1268–221).

Для кетов С.В. Иванов полагает возможным связывать этот тип с ранним самодийским (аборигенным) населением [Иванов 1970: 136, 139, 284].

Библиография

- Алексеевко Е.С.* Культы кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1977. С. 29–65.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

Н.Г. Голант

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕСНЫ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРИМЕТЫ И ГАДАНИЯ У РУМЫН

Дни начала весны у многих балканских народов могут обозначаться терминами типа «старухи» и «старухины дни», а также «одолженные дни». Эти хрононимы связаны с легендой о мартовской старухе, распространенной в карпато-балканском регионе и в ряде регионов Западной Европы и Ближнего Востока. Большинство вариантов легенды повествует о старухе, которая преждевременно выводит овец или коз на летнее пастбище и оскорбляет высшие силы, вследствие чего погибает вместе со своими жи-

вотными. В ряде вариантов резкое изменение погоды, которое ведет к гибели старухи и / или животных, объясняется тем, что оскорбленный месяц (февраль или март) берет взаимные дни у другого месяца.

У румын хронимом «старухи» (*babe(le)*) бытует в округах Буззу, Арджеш, Олт (Мунтения), Вылча, Горж (Олтения), Караш-Северин (Банат), Сибиу (Трансильвания), Васлуй, Нямц (Молдова), в долине р. Тимок (восточная Сербия) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrovici 1935: 125–159; Marienescu 1994: 233–247]. Распространен хроним «старухи» (*moaşile*) и у арумын [Кабакова 1994: 209–222]. Подобные хронимы известны у болгар (*трите баби* ‘три старухи’, *лошите баби* ‘плохие старухи’) — на юго-западе Болгарии, македонцев (*баби*) — в окрестностях Охрида и Велеса, сербов (*бабе*) — во Враньском крае и Косово, албанцев (*pl'akat, q'akat*) [Узенева 2001: 127–151; Плотникова 2004: 121–128; Малый диалектологический атлас... 2005: 92–93; Юллы, Соболев 2003: 422].

Хронимы «старухины дни» (*zilele babei*) и «дни старух» (*zilele babelor*) встречаются у румын в округах Буззу (Мунтения), Нямц (Молдова), Караш-Северин (Банат) [Fochi 1976: 23–29; Schott 2003: 129–131; Marienescu 1994: 233–247]. Аналогичные хронимы бытуют у болгар (*бабини дене*) — в окрестностях Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда, в Родобах, македонцев (*бабини дни*) — в Струге и Гевгелии, сербов (*бабини дни*) — в западной Сербии и в Лесковацкой Мораве, черногорцев племени кучи (*бабини и ђедови дни* ‘бабины и дедовы дни’), греков (οί μερεστής/μερῆς), французов (*les jours de la Vielle*) и жителей Марокко (*nhâr lâ 'guz* ‘старухин день’) [Плотникова 2004: 121–128; 1996: 21; Кабакова 1994: 209–222; Şăineanu 1896: 1–45].

Хронимы *împrumutării* ‘одадживания’ и *zile împrumutate* ‘заемные дни’ зафиксированы у румын в округе Караш-Северин (Банат) [Petrovici 1935: 125–159; Marienescu 1994: 233–247]. У болгар встречаются термины *заемници(ме)* (район Разлога, Софийский, Ловечский, Пиринский края), *заемн'аци* (Софийский край, окрестности Трына), *заедници* (Пиринский край), *заемляци* (Кюстендилско), *заемтите дни* (Софийский край), *заемни дене* (окрестности Пловдива), *заемните дни* (Хасковско), *заемните дани* (Странджа) [Плотникова 2004: 121–128; Узенева 2001: 127–151]. У македонцев бытуют хронимы *займници* (Скопска Црна Гора) и *заимни дни* (Гевгелийска Каза); у сербов — *займци* (Лесковацкая Морав), *заемци* (Горни Високи), *заемъаци* (Горни Високи), *займъени дани* (Болевацкая Морав), *узаймце*, *узаймца* (Косово); у мусульман Боснии — *займеници* (окрестности Купреса) и *замјеници* (окрестности Високо) [Плотникова 2004: 121–128]. Распространены хронимы типа «одолженные дни» и у народов Западной Европы — *les jours d'Emprunt* у французов, *as dias d'emprestimo* у португальцев, *manllabats, dias emmanllavats* у каталонцев, *borrowing, borrowed days* у англичан [Şăineanu 1896: 1–45; Genner 1947: 952; Кабакова 1994: 209–222]. У арабов Палестины «одолженными» (*el Mustakridât*) назывались три дня марта [Кабакова 1994: 209–222].

Число дней, связанных с мартовской легендой, чаще всего равно трем, девяти или двенадцати. С 1 по 12 марта делятся дни, «посвященные» мартовской старухе, в ряде сел округов Васлуй и Нямц (Молдова) и Караш-Северин (Банат) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrovici 1935: 125–159; Marienescu 1994: 233–247]. Также в Нямце встречается наименование «днями старухи» шести последних дней февраля и шести первых дней марта [Fochi 1976: 23–29]. У влахов долины р. Тимок в Сербии

«старухи» (*babele*) тоже длится двенадцать дней — с 10 по 22 марта, т.е. по день Сорока мучеников, отмечаемый здесь по юлианскому календарю [Nedeşan 2005: 155].

Румыны Мунтения (Брэила, Буззу, Телеорман, Олт) отмечают девять дней, посвященных мартовской старухе, с 1 по 9 марта, т.е. со дня св. Евдокии по день Сорока мучеников [Fochi 1976: 23–29]. Встречается этот вариант также в Добрудже (Гулча), Олтении (Горж, Вылча), Трансильвании и Марамуреше (Сагу-Маре) [Scurtu 1942: 123–301; Gherman 2002: 150–161; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354]. В румынском Банате «днями старухи» могли именоваться первые девять дней апреля [Schott 2003: 129–131]. «Посвящение» мартовской старухе первых девяти дней марта встречается у сербов (Лесковацкая Морава, Болевацкий край, местность Драгачево в западной Сербии, Косово, Враньский край¹), черногорцев (Риечка Нахия), македонцев (Скопска Црна Гора) [Плотникова 2004: 121–128].

У румын в некоторых селах Вылчи (Олтения) и Арджеша (Мунтения) «старухи» (*babele*) длились три дня, с 1 по 3 марта [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942: 123–301]. Жители некоторых сел округа Сибиу (Трансильвания) считали, что из шести «дней старух» три падают на конец февраля, а три — на начало марта [Olteanu 2001: 128–133]. У болгар период «посвященный» мартовской старухе, чаще всего длится три дня. Это могут быть первые три дня марта (окрестности Разлога, Ловечский и Софийский края, Кюстендилский округ), последние три дня марта (Хасковско) или последние два-три дня марта (Пловдивско, Западные Родопы) [Плотникова 2004: 121–128; Узенева 2001: 127–151]. У македонцев *бабини дни* или *баби* могут приходиться на первые три дня марта (Гевгелийска Каза, район Велеса), три последние дня марта или три первые дня апреля (окрестности Охрида) [Плотникова 2004: 121–128]. У сербов днями, «посвященными» мартовской старухе, могут быть первые три дня марта (Лесковацкая Морава), первые три дня марта по старому стилю, т.е. 14–16 марта (Горни Висок), последние три дня марта (Славонское Посавье) [Там же]. У мусульман Боснии днями, «принадлежащими» мартовской старухе, считаются дни с 1 по 3 марта (окрестности Високо) [Там же]. У албанцев этому персонажу могут быть посвящены три дня в конце марта или последний день марта и первые два дня апреля [Плотникова 1996: 21; Юллы, Соболев 2003: 422]. У народов Западной Европы число дней, связанных с мартовской легендой, также обычно равно трем. У французов и провансальцев с ней бывает связаны последние три дня февраля и первые три дня марта и / или три последних дня марта и три первых дня апреля, у испанцев Андалусии — три последних дня марта и три первых дня апреля, у басков — три дня на рубеже марта и апреля, у корсиканцев — три первых дня апреля² [Покровская 1977: 30–48; Şăineanu 1896: 1–45; Fernan Caballero 1974: 110–115; Сатрустеги 1990: 34–35].

У румын Баната (Караш-Северин) встречается «ситуативное» обозначение термином *împrumutării* ('одалживания') холодных и ненастных дней апреля [Petrovici 1935: 125–159]. «Ситуативное» обозначение ненастных весенних дней хронимидами, связанными с мартовской легендой, встречается также у сербов в Южном Банате (*бабини козлићи* 'старухины козлята'), у черногорцев племени ускоки, у мусульман Боснии в

¹ Во Враньском крае «старухинными днями» считаются первые девять дней марта по старому стилю, т.е. 14–22 марта, с дня св.Евдокии до дня Сорока мучеников по ст.ст.

² В испанском, баском и корсиканском вариантах легенды главным героем является не старуха, а пастух.

окрестностях Купреса, у болгар в Родопах (*бабънът дени*), у македонцев в Гевгелии (*бабини дни*) [Плотникова 2004: 121–128].

С периодом «дней старухи» у румын связаны различные гадания и приметы. В некоторых селах Вылчи и Арджеша день 1 марта считался «старухой» сева, 2 марта — «старухой» летних сельскохозяйственных работ, 3 марта — «старухой» сбора урожая. На основании погоды этих дней делались прогнозы о погоде соответствующего сезона [Fochi 1976: 23–29]. Сходные гадания о погоде по «старухиным дням» известны и некоторым другим народам. В западных районах Болгарии по трем «старухам» гадали о весне, лете и осени. В Кюстендилской котловине считалось, что если первая «старуха» ясная и солнечная, то весна будет дождливой, таким же образом вторая и третья «старухи» предвещают погоду лета и осени. Жители этой засушливой местности радовались солнечным «старухам», надеясь на достаточное количество осадков в течение года [Захариев 1963: 387]. Жители окрестностей Трына полагали, что первый день марта (*първа баба Марта*)¹ говорит о погоде весны, второй (*втора баба Марта*) — о погоде лета, третий (*третя баба Марта*) — о погоде осени. Если в эти дни шел дождь, считалось, что год будет плохим [Узенева 2004: 298–353]. Жители Ловечского края Болгарии на основании погоды первых трех дней марта делали прогнозы о погоде в марте, апреле и мае: если 1 марта идет дождь, то март будет дождливым и т.д. [Попов 1999: 293–320]. Жители Лангедока (юг Франции) называли первые три дня марта *les remarques* ‘заметки’ и также определяли по ним погоду весенних месяцев, но в обратном порядке: первый день предсказывал погоду мая, второй — апреля, третий — марта [Кабакова 1994: 209–222].

Распространенное у румын гадание, приуроченное к началу марта, описал в конце XIX в. Б.П. Хашдеу: «Перед началом “старух” и в течение их женщины из народа и даже горожанки выбирают или называют в шутку каждая по одному дню из последующих дней, <...> и если в течение выбранного дня по случайности нет метелей, женщина хвалится, что она “хорошая старуха”, а если день непогожий — другая переживает, что она “плохая старуха”» [Haşdeu 1893: 2278]. Это гадание сохранилось до наших дней. Оно было зафиксировано автором в Олтении (коммуна Мэля округа Вылча, коммуна Половраджь округа Горж) и Мунтении (коммуна Мынзэлезтья округа Буззу). Подобное гадание о характере женщин бытует в Варненской области Болгарии [Седакова 2004: 237–267]. Похожее гадание было зафиксировано автором у бессарабских болгар (с. Чийшия Болградского р-на Одесской обл. Украины).

Румынские горожанки в наши дни гадают об удаче в текущем году, выбирая себе «старуху» (один из первых девяти дней марта) и делая выводы о том, будет ли год удачным на основании погоды, которая стоит в этот день.

В карпато-балканском регионе мартовские гадания о погоде в течение года и, возможно, о характере и поведении людей встречаются в тех местностях, где бытуют хронимы типа «старухи». А.А. Плотникова высказала предположение о связи этого явления с персонафикацией месяца марта как «старухи», «женщины», распространенной в восточной части балканославянского ареала [Плотникова 2004: 128], однако

¹ Баба Марта — болгарское имя мартовской старухи, которая у болгар является персонафикацией марта.

имеющийся восточно-романский материал не дает достаточных оснований для подобного вывода.

Библиография

- Захариев Й.* Кюстендилската котловина. София, 1963.
- Кабакова Г.И.* Структура и география легенды о мартовской старухе // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 209–222.
- Мальй* диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры. München, 2005.
- Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Покровская Л.В.* Народы Франции // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 30–48.
- Попов Р.* Календарни празници и обичаи // Ловешки край. Етнографски проучвания на България. София, 1999. С. 293–320.
- Сатрустеги Х.М.* «Дай нам свет жизни и смерти»: Отголоски древних мифов в обычаях и легендах современных басков // Курьер ЮНЕСКО. 1990. № 7. С. 34–35.
- Седакова И.А.* Этнолингвистические материалы из северо-восточной Болгарии (с. Равна, Провадийская община, Варненская обл.) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. Вып. 10. С. 237–267.
- Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы из юго-западной Болгарии (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. Вып. 7. С. 127–151.
- Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы из центральной Болгарии (с. Дылбоки, область Старой Загоры) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. Вып. 10. С. 268–297.
- Юллы Дж. (Ylli Xh.), Соболев А.Н.* Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр). München, 2003.
- Fernan Caballero.* Tratado popular de agricultura y de meteorología // Fernan Caballero. Cuentas y poesias populares andaluces. Leipzig, 1974. P. 110–115.
- Fochi A.* Datini și eresuri populare de la sfârșitul secolului al XIX-lea: răspunsurile la chestionarele lui Nicolae Densușianu. București, 1976.
- Genner A. van.* Manuel de folklore français contemporain. Tome premier. III. P., 1947.
- Gherman T.* Meteorologie populară. Observări, credințe și obiceiuri. București, 2002.
- Hașdeu B.P.* Etimologicum Magnum Romaniae. Dictionarul limbii istorice și poporane a românilor. T. III. București, 1893.
- Hedeșan O.* Lecții despre calendar. Curs de folclor. Timișoara, 2005.
- Mariencescu A.M.* Arghir și Ileana Cosânzeana. București, 1994.
- Mușlea I., Bârlea Ov.* Tipologia folclorului. București, 1970.
- Olteanu A.* Calendarele poporului român. București, 2001.
- Petrovici E.* Folclor din Valea Almajului // Anuarul Arhivei de Folclor, III, 1935. P. 125–59.

Schott A. și A. Basme valaha. București, 2003.

Scurtu V. Cercetări folclorice în Ugocea românească // Anuarul Arhivei de Folklor, VI, 1942. P. 123–301.

Șăineanu L. Zilele Babei și legenda Dochiei // Șăineanu L. Studii folklorice. Cercetări în domeniul literaturii populare. București, 1896. P. 1–45.

Д. С. Ермолин

СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК КАК ВНЕШНИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

С момента укрепления своих позиций и укоренения в культуре Русская православная церковь начала вести развернутую миссионерскую деятельность, которая продолжается и по сей день. Так, в разное время приняли крещение многие народы, проживающие в пределах Государства Российского: карелы, коми, вепсы, мордва, чувашаи и др. В процессе формирования могущественной империи православие было необходимым объединяющим фактором, который был призван если не нивелировать этнические особенности, то по возможности сгладить их. Создавались региональные епархии, воспитывался местный клир, формировались общины. Безусловно, нужно понимать, что христианство, особенно в отдаленных уголках империи, реально бытовало в виде народного православия — церковные догматы в конечном счете ложились на субстрат языческих представлений, а дохристианские практики органично вписывались в уклад православной жизни.

Это идеальная модель. Но вероятность таковой была чрезвычайно высока, если и миряне, и клир имели общую этническую историю. Если священник был приезжим, то, конечно, он пытался искоренить все небогоугодные практики и представления, его долгом было наставление «заблудшей паствы на путь истинный». С точки зрения церкви, как и с позиций обывателя, данная ситуация не является ни в коей мере вредной, наоборот, заслуживает всяческого поощрения. Посмотрим же на это глазами сельского жителя: обряды, обычаи, практики, заговоры, которые, как и православная вера, на протяжении многих веков были корнями, питавшими крепкий ствол народной жизни, должны быть преданы забвению.

К сожалению, описанная выше картина не осталась в далеком прошлом. Поднять данный вопрос автора заставили наблюдения, сделанные в ходе полевой работы в албанских поселениях украинского Приазовья. Православные албанцы заселили эти земли в 1860-х годах, создав три села (Георгиевка, Гамовка, Девнинское) на месте ногайских поселений. Эта группа балканских колонистов попала в границы Российской империи в 1811 г. (на территорию нынешней Одесской области). До этого албанцы проживали в Варненской области Болгарии. Предполагается, что исторической родиной приазовских албанцев является район города Корча (Юго-восток Албании) — исконно православный регион. Трансбалканский маршрут следования отважных людей,